ЗЕРКАЛО АДАМА: ФРОНТИР В ИМПЕРСКОМ ВООБРАЖЕНИИ¹

Манан, А. А.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>

Манан Ахмед Асиф, Колумбийский университет, 1180 Амстердам авеню, МС 2527 Нью-Йорк, США, 10027.

E-mail: ma3179@columbia.edu

Статью перевели и подготовили к публикации:

Якушенкова Олеся Сергеевна, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а

E-mail: jestershadow@mail.ru

Канатьева Наталья Сергеевна, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а.

E-mail: nesy71@mail.ru

Аннотация

Для центра любой империи фронтир – это место беспокойства, потенциальной угрозы, варваров, которые могут прийти к воротам. Имперское воображение средневековых арабских династий, колониальных британцев, а теперь и Соединенных Штатов было охвачено этой тревогой. Мы должны водрузить свои «историографические ноги» на фронтирное пространство современного Афганистана, Пакистана и северной Индии, чтобы увидеть проблемы, возникающие в региональном воображении, в диалоге, специфичном для региона, и в локальных историях. Помещение себя на фронтир открывает различные перспективы, которые не видны имперскому глазу. Обращать внимание на локализованное производство истории и памяти означает деконтекстуализировать бывший до этого единственным актуальный контекст – имперский. Это изменение перспективы показывает: то, что мы часто обозначаем понятием «фронтир», имеет свою собственную центральность.

Ключевые слова

Фронтир, Синд, Зеркало Адама, имперское видение, колониальные истории, арабское завоевание Синда

---

¹ Редакция журнала выражает благодарность Манану Ахмеду Асифу и редакции *Economic & Political Weekly* за предоставления права на перевод и публикацию статьи Manan A. (2011). Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic and Political Weekly*, 46 (13), pp. 60-65

ПРОЛОГ

В «Книге подарков и драгоценных вещей» аз-Зубайра «Китаб аль-Хадайя ва аль-Тухаф», созданной в XI в., включающей описание дани, собранной мусульманскими царями на протяжении веков, содержится отчет о фрагменте зеркала, которое было получено как дань омейядскому халифу Муавии ибн Абу Суфьяну (ум. 680) от царя аль-Кикана из аль-Синда (Ghāda al Hijjāwīal-Qaddūmī, p. 175). С 660 г. н. э. арабские армии занимались выколачиванием дани из Тугр аль-Хинд в аль-Синд (фронтир Хинда и Синда), медленно продвигаясь на территории к востоку от Хурусана¹, Кирмана, Шастана и Макрана (нынешние города, такие как Кандагар в Афганистане, Лахор, регионы Вазиристан, Белуджистан и портовый город Синд в Пакистане). Как сообщает аз-Зубайр, Адам получил это зеркало от Бога, когда тот спустился с небес, чтобы «он мог видеть все, что хотел на земле», независимо от того, было ли это хорошим или плохим. Муавия использовал зеркало, чтобы самому проверять состояние удаленных районов своего владычества, проконтролировать назначенных им губернаторов и командиров на полях сражений аль-Хинда ва'л Синд. Это зеркало, являвшееся частью его власти, оставалось в личной собственности Муавии до времен Аббасидов (с VIII в. и позднее), после чего, как сообщается, оно было потеряно.

Метафорическое прочтение переосмысления политики Омейядов в XI веке должно сохранить как тайну, так и опасность фронта. Оно фиксирует беспокойство, которое всегда вызывает фронт у предполагаемой власти – что происходит так далеко?² Это беспокойство, которое парадоксальным образом усваивает своеобразное увлечение фронтом, даже когда оно отталкивает более здравое понимание – оно одновременно делает фронт известным и непознанным. Фрагмент зеркала работает как метафора для этого напряжения – зеркало, которое отражает не зрителя, а далекого Чужого, представляющего потенциальную опасность. Сам фронт – это место напряжения, потенциальной опасности, исходящей от

¹ Khirusān – Великий Хорасан (Хурасан, Хурусан) – в средние века представлял собой огромную область от северо-восточного Ирана до северо-западной территории современного Пакистана (прим. редак.)

² Расстояние здесь, однако, нельзя следует воспринимать буквально. Если уж на то пошло арабский Синд находился не на большем расстоянии от губернаторов Бахрейна или Омана, Дамаска или Багдада. Но в имперском воображении арабский Синд находился на невероятно далеком расстоянии. Первая зафиксированная экспедиция, организованная в первую очередь для сбора информации, произошла уже в 800 н. э., когда министр Яхья ибн Халид Бармакидский отправился в путь с научной целью. Его доклад оставался единственным имперским документом о владениях на полуострове вплоть до аль-Беруни XI века. Но к тому времени военная и политическая власть перешла от Багдада к Газне.

варваров, которые могут неожиданно оказаться у главных ворот¹. Именно это беспокойство, это конкретное понимание фронта, как правило, доминирует над имперским воображением – оно затуманивает исторические случайности и особенности; а на их месте появляется экзотическая и неизвестная химера.

Эта тревога империи внедряется в сам фронт, ожидая, когда о ней вспомнят и оживят. 29 января 2009 г. на заседании Сената по утверждению кандидатуры Хиллари Р. Клинтон на должность госсекретаря США, председатель комитета по международным отношениям сенатор Джон Керри сделал следующие замечания:

«Мы с огромными трудностями боремся за и с людьми других культур, с другими языками, другими обычаями, историей, религией.... Мы не живем там. Мы не живем в общинах, в деревнях, в маленьких городках, в кварталах, как бы вы это ни называли. Потому, что мы не часто бываем там ночью. А Они – да. И ночью часто правят мятежники. Сложные ситуации есть как в Пакистане, так и в Афганистане. И я отправился в обе страны – и в Индию – сразу после Мумбаи, и был действительно поражен огромными расстояниями, которое мы должны преодолевать в обеих странах, сенатор. ... Это прошло, но продолжало достигать меня таким образом, что, на протяжении многих лет здесь, я, честно говоря, не уделял этому вопросу достаточного внимания. Но недавно прочитал замечательную книгу, я рекомендую вам Рори Стюарта, вы знаете, «Места между ними» и «Война навсегда», и целый ряд других, которые дадут вам возможность почувствовать все это, если вы действительно этого хотите. Я имею в виду, Гертруду Белл, Королеву Пустыни, – это увлекательное исследование региона и отношений между племенами. Вот то, о чем я хочу сказать» (Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton).

Ответные замечания Клинтон повторили тезис Керри, а также данную телеологию:

«Сидя здесь сегодня, я вспоминаю о своих поездках в Афганистан, мой перелет над той местностью, и мое осознание истории возвращается к Александру Великому и, конечно же, к имперскому опыту британских военных и памятным стихам об Афганистане Редьярда Киплинга, Советский Союз, который отправил туда

---

¹ Более явную переработку этого беспокойства, локализованного в зеркале, мы обнаруживаем во французском «Роман об Энее» XII в., содержащим описание гробницы Камиллы, где зеркало прикреплено к потолку и в котором они могли видеть очень хорошо, когда кто-то приближался, чтобы напасть на них, будь то по морю или по суше. Те, кто находится внизу башни, никогда не будут побеждены в войне, так как видели в зеркале своих врагов, приближающихся к ним. Таким образом, они могли хорошо себя обезопасить и подготовиться к обороне; их было бы нелегко застать врасплох». См. (Lankewish, p. 208).

гораздо больше войск, чем мы собираемся, – Я имею в виду, цель, к которой мы стремимся, требует огромного смирения» (Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton)¹.

В языке сенатора Керри отчетливо присутствует фронтир, хотя он никогда и не использует это слово. Пространство, которое он описывает, находится на краю, хаотичное, разрушительное, темное, непознаваемое. Здесь роль зеркала Адама играет литературный репортер, отправленный из империи к границе – Редьярд Киплинг, Рори Стюарт, Т.Э. Лоуренс, Гертруда Белл – те, кто могут идти, общаться с местными народами, проходить через этот фронтир, чтобы либо воспроизвести его в образе столицы, либо воспроизвести его образ для столицы. Здесь снова скрывается таинственность и опасность фронта, проявленная либо в романтических тонах, либо катастрофических. В телеологии империй, которую представляет Клинтон – от Александра до британцев, до Советского Союза и, наконец, до США, – это еще одно проявление тревоги, порождаемой фронтиром, забвение известных времен, исчезновение знакомых географических регионов, намеренное дистанцирование от фронта. Генеалогия отражает не только конкретные связи между империями и фронтиром, но также и прошлое, которое империя предпочитает признавать, знать и осмысливать. Афганистан, Пакистан, особенно регионы Вазиристан, Белуджистан и Нижний Синд, выступают в качестве внутреннего фронта империи США. На языке империи, это фронтирное пространство позиционируется как пустое (образно говоря) и хаотическое (аналитически говоря). Фронтир становится местом непрерывных споров и сражений и всегда по определению остается удаленным от упорядоченной столицы.

Он находится в состоянии постоянного перемещения, заполненного только пересекающими его людьми. Он предельно в том смысле, что он находится на окраине, между зонами, неспособен создать свою собственную субъектность. Его жители не могут быть визуализированы исторически, политически или социально. Именно его лиминальная природа, это существование вне пределов закона, с одной стороны, позволяет беспилотникам летать над регионом, осуществляя «фронтирное правосудие» (чтобы пробудить американский Запад), без явной необходимости суда, присяжных или судей и, с другой стороны, позволяет империи только ограниченно

---

¹ Из речи Х. Клинтон в Сенате США 13 января 2009 г. во время назначения ее на должность госсекретаря США: «Sitting here today, when I think about my trips to Afghanistan, my flying over that terrain, my awareness of the history going back to Alexander the Great and, certainly, the imperial British military and Rudyard Kipling's memorable poems about Afghanistan, the Soviet Union, which put in more troops than we're thinking about putting in – I mean, it calls for a large dose of humility about what it is we are trying to accomplish» (прим. редактора).

знать об этом. Зеркало Адама Омейядов теперь воссоздается камерой с высоты 5500 метров на беспилотном летательном аппарате (БПЛА) и точкой зрения британского ученого, писателя и политика Рори Стюарта, тесно соприкасавшегося с местными реалиями.

При взгляде через камеру беспилотника фронтир как совершенно знаком, так и безумно не познан. Эта способность вытеснять все другие нарративы о пространстве, которое она определяет, как «фронтир», принадлежит только империи, и поэтому именно к имперской истории мы должны прежде всего обратиться. Не для того, чтобы объяснить имперскую историю, а для того, чтобы продемонстрировать в архивах империи, далекой от нашего настоящего, те же самые жесты формирования фронта, которые можно увидеть в британских или американских делах.

Далее я хочу прервать время, которое течет в формулировке Клинтон. Я хочу привести в обсуждение империю Омейядов и ее отношение к фронтису. Я делаю это, чтобы подчеркнуть, что особые способы познания и незнания фронта являются составляющими имперского опыта, и отслеживание этих путей познания иллюстрирует неизвестную местность, из которой фронтир, собственно, и состоит. Далее, я хочу поместить наши историографические стопы в само фронтирное пространство, чтобы увидеть проблемы, возникающие в региональном воображении, в разговорах по конкретному региону и в местных историях. Нахождение себя на границе открывает новые топографии, разнообразные перспективы, сети и маршруты, которые не видны имперскому глазу.

ПЕРВЫЙ ФРОНТИР

Арабская экспансия на фронтир аль-Хинд вал-Синда – полуострова на юге Азии, с рекой Инд в качестве естественной границы между аль-Синдом (регионом к северо-западу) и аль-Хиндом (регионом к востоку), стала в значительной степени результатом повторного закрепления последних остатков Сасанидской знати в восточных окраинах Хорасана и Кирмана в середине седьмого века. К 700 году н. э. регионы Систан¹ и Макран² – с их важными гарнизонами, такими как Кандагар, – постоянно заключали разные союзы, восставали, импортировали и экспортировали мятежные элементы, идеологии и ассасинов в Дамаск и крупные города Басры и

---

¹ Территория на юго-западе Афганистана и юго-востоке Ирана (прим. редак.)

² Мекран или Макран – территория в Западном Пакистане, расположенная на границе с Белуджистаном (прим. редак.)

Куфа против двора Омейядов. Усилия по «контролю» над этим регионом, в конечном итоге, привели к успешной кампании 712 г. н. э., которая позволила Омейядам создать гарнизоны в портах на реке Инд и открыла безопасный морской маршрут из Адена в Синд. Победа, как и все предыдущие победы в регионе, была недолгой, и на протяжении всего восьмого века многочисленные экспедиции направлялись на фронт, так как Гурджара-Пратихары¹ на северо-западе и Раштракуты² в Декане являлись постоянной угрозой этому арабо-мусульманскому княжеству. Ожидание опасностей, исходящих с территории военного фронта, хорошо отражено в арабской исторической и экзегетической традиции. В разделе о территории фронта аль-Хинд валь Синда в «Китаб Футух ал-Булдан» (Книга завоевания земель) ал-Баладури³ (ум. 892), имеются множественные описания постоянных промахов и неудач, которые испытывали арабские армии в Забулистане, Систане и Мекране. С самого начала аль-Баладури сообщает о предостережениях третьего халифа Усмана (ум. 655), надеявшегося ограничить передвижение мятежных сил в регион и из него, и получившего донесение от разведчика, посланного в регион:

«О, повелитель правоверных, я исследовал его и хорошо знаю».

Калиф сказал: «Опиши это».

Он сказал: «Водоснабжение скудное, финики плохие, а разбойники дерзкие. Маленькая армия там потеряется, а большая армия будет голодать» (al-Balādhurī, pp. 416-17). Это предостережение оттеняет повествование о различных мусульманских кампаниях в регионе – аль-Баладури неоднократно ссылается на нарушение фронтальных договоров, уничтожение городов с их гарнизонами, убийство губернаторов или их смещение из-за коррупции. В его рассказе эта восточная граница империи Омейядов остается неустойчивой и неустроенной, постоянно истощая казну. Список армий и командиров, приведенный аль-Баладури, иллюстрирует постоянное давление, которое фронт оказывал на Омейядов. В 663-64 гг. Абдалла аб Саввар аль-Абди возглавил две

¹ Гурджара-Пратихара – индуистская династия, правившая на северо-западе Индии в VI – XI вв. Столицей империи был город Каннаудж. Слово «Пратихара» в наименовании династии является своеобразным эпитетом, означающим «защитник», так как себя они называли «защитниками Арьяварты» – Северной Индии». (прим. редак.)

² Индуистская империя Раштракутов (753 — 982 гг.) была одним из крупнейших государств в мире. Эта династия правила на значительной части Индии, соперничая могуществом лишь с Гурджара на северо-западе и государством Пали на северо-востоке. (прим. редак.)

³ Ахмед аль-Баладури (аль-Балазури) – полное имя Абуль-Хасан Ахмад ибн Йахья ибн Джабир ибн Дауд, известный историк, поэт. Аль-Баладури является его прозвищем, так как он якобы умер, испив масло ореха растения баладур (balādhur – *Semecarpus anacardium* L.). Баладур, близкий родственник кешью, издревле употреблялся в народной восточной медицине в качестве стимулятора, особенно для улучшения памяти. (прим. редак.)

экспедиции в Кикан¹, во второй из которых он погиб. В 665 г. Синан ибн Салама дошёл до Макрана и соорудил там форт. Успехи Синана, однако, длились недолго, так как арабы то теряли, то вновь возвращали контроль над ним; это происходило до тех пор, пока в 672 г. аль-Мунзир ибн аль-Джаруд аль-Абдиис смог вернуть форт окончательно. Местные династии, такие как Зунбиль из Заминдавара и Забулистана, и Кабульшахи Кабула, были иногда вынуждены платить дань, но из-за отсутствия постоянной арабской армии на местах они часто меняли, по словам аль-Баладури, свое решение, оказывая яростное сопротивление.

Кампании по покорению Забулистана оставили глубокий след в истории региона. В 698 г. Омейяды отправили в Забулистан губернатора Убайдуллаха б Аби Бакра в Забулистан во главе Джейш аль-Тававис («Армия разрушения»)² на усмирение региона. Они были захвачены и в значительной степени уничтожены, что положило конец экспедициям Омейядов в регион на следующее десятилетие (Bosworth, 1973)³. Это породило целый ряд поэтических и мифических рассказов об обреченной армии. Один из них сохранился в начале X века географического трактата Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» (Книга путей и царств) ибн Хордадбеха (ум. 913), где он воспроизводит популярные плачи о многочисленных могилах арабских солдат, погибших в Кандагаре⁴.

Это взаимодействие, военное и политическое, также стимулировало производство знаний об этом фронтире в самых

¹ Кикан – территория проживания племени кикан, рядом с Боланским проходом в пакистанском Белуджистане (прим. редак.)

² Убайдуллах б Аби Бакра был повторно назначен губернатором Систана в 697-8 гг. и послан на покорение государства Зумбиль в 698 г. во главе «Армии Разрушения» – Джейш аль-Фана. Его армия потерпела полнейшую неудачу, а сам он умер на обратном пути. Войска Зумбиля применили старую испытанную стратегию, заманивая войска Аби Бакра в суровые бесплодные земли. Воины умирали не сколько от урона, наносимого стремительными атаками противника, сколько от болезней и голода. Армию же Джейш аль-Тававис («Армия Павлинов») возглавил Абдаррахман б Мухаммад б аль-Ашас. Он направил свою армию через год, после провала Аби Бакра. Ему удалось медленно вытеснить своих противников с их территории с помощью постройки многочисленных фортов. В конечном итоге он смог навязать Зумбилю мирный договор и заставить платить подать, однако, отношения аль-Ашаса с наместником аль-Хаджжажем вскоре испортились, Павлинья Армия под предводительством аль-Ашаса восстала против аль-Хаджжаджа (прим. редактора).

³ См. прим. выше.

⁴ Этот эпизод часто пересказывался ориенталистами, которые видели в этих событиях отголоски англо-афганских войн второй пол. XIX века: «Во времена аль-Муктадара (916), при рытье фундамента для башни в Кандагаре, была обнаружена подземная пещера, в которой были тысячи тел арабов, всех прикованных к одной и той же цепи. Все оставалось в хорошей сохранности с 70/698 г., дата эта была установлена по кусочкам бумаги с именами, привязанным ниткой к ушам 29 наиболее важным черепакам. Это означало, что арабы поначалу не имели большого успеха в своей компании против этого города, однако, они все же овладели им». Конечно, эта нота о возможном триумфе в конце казалась пророческой для участников войны, и история функционировала не как эхо исторических событий, а скорее, как демонстрация страхов, вызванных примерами дикости на фронтире. См.: (Ferrier & Seymour, p. 323).

разнообразных жанрах, которые обычно составляют имперское знание: историческое, административное, географическое и чудесное. Как упоминалось ранее, первое посольство из Багдада в аль-Хинд и аль-Синд отбыло в 800 г. и стало основой для многочисленных географических и исторических отчетов. Ряд ключевых арабских географов посетили арабский Синд в IX, X и XI вв. Однако, когда дело шло об этом фронтире, в «официальных» мусульманских донесениях наблюдался общий дефицит. Всеобщие истории, такие как, например, аль-Табари (ум. 923) и аль-Якуби (ум. 897), уделяли мало внимания описанию аль-Хинд вал-Синду. Этот недостаток сведений в исторических и географических текстах трактуется некоторыми авторами как свидетельство отсутствия политического и религиозного значения Синда для арабского государства. Халид Блэнкиншип, например, отмечает, «подавляющий географический уклон» в сторону крупных городов Ирака, в результате чего «важность событий определялась только их близостью и влиянию на столицу (Blankinship, 1994, p. 259). Но это, по-видимому, ограниченное понимание как фронта, так и центра – или, по крайней мере, кардинально атомизированное, с фиксированными понятиями «центра» и «фронта».

Но, как видно из различных географических и исторических свидетельств, арабский Синд, особенно во времена арабского политического и военного присутствия, играл важнейшую роль в таком жанре арабской литературы, известном как «Аджаиб ва гараиб» (Чудеса и диковинки). Тексты «Аджаиб аль-Хинд» («Чудеса Индии»), появившиеся в конце IX века, являются хорошо известным источником исторической, географической и экзотической информации об этом фронтире. В этом жанре, который также содержит большое количество торговых и морских данных, лежит экзотический пейзаж, который пестрит золотыми муравьями, гигантскими орлами и другими ужасными существами – одни в Кашмире, другие в Кабуле, третьи в Мултане. Изучение чудесных сказок в жанре «Аджаиб аль-Хинд» показывает, что они в значительной степени заимствованы из греческих источников, часто воспроизводящих рассказы II или III вв. до н. э., с небольшими изменениями в контексте арабо-исламской традиции (см. Ahmad, 1989). То, что эти фантастические элементы смешались в одном тексте с подробными морскими отчетами о расстояниях, ветрах и течениях, условиях портов, отражает тщательно откалиброванное знание/незнание, имеющее отношение к имперскому фронтиру.

Именно этой настойчивости литературного и политического воображения тхугра (фронта) мы можем приписать появление

зеркала Адама в тексте XI века. И подобное литературное и политическое воображение, неуютно покоящееся в имперском сердце, формирует наше сегодняшнее понимание того же фронта. Более 250 лет фронт аль-Хинд валь-Синда оставался статичным в имперском видении, на которое можно было проецировать нечто фантастическое, причудливое и непостижимое. В тот же период торговля в Индийском океане вновь стала доминирующим звеном, что привело к обширному интеллектуальному и идеологическому перемещению отдельных обществ, в результате чего были получены знания по конкретным местам. То, что этот фронт, хотя и в пределах империи, сохранил очарование экзотики и страха, отражало баланс знания и незнания, которые составляли представления о Чужих в империи. Любой восстановительный акт против империи, любая историографическая корректировка имперских повествований должны начинаться с изучения этого воображения, но на этом она не может остановиться. Она должна поместить себя на фронт, вне зеркала Адама.

ВЗГЛЯД С ФРОНТИРА

В 1868 г. в эссе, озаглавленном «Демократические дали»¹, поэт-философ Уолт Уитмен сделал предсказание об американском фронтире.

«Через несколько лет центр Америки будет располагаться далеко на Западе. Наша будущая национальная столица может оказаться не там, где сейчас. Вполне возможно, что, скорее всего, менее чем за 50 лет она сдвинется на одну или две тысячи миль, будет заново основана, и каждая ее часть будет сделана по другому плану, оригинальному, более совершенному». (Whitman, p. 951)

Это магнетическое притяжение фронта к центру, мотивированное спросом на новые таланты, на новую энергию, на новые «запасы», редко упоминается в литературе, описывающей модель центр-периферия. У Уитмена есть подтекст, который стоит явно отметить – фронт не пуст. Жители этого фронта, пространство, куда должна сдвигаться империя, являются необходимым стимулом для этого движения.

В этом смысле все это аналогично движению исламизированных столиц на фронт «аль-Хинд валь-Синда» – от Дамаска до Багдада, Самарры, Газни и Гура, а также притоку персов, тюрок и индийцев, проживающих на «фронтире», которые определяли характеристики империи «со всеми сохранившимися старыми, но более

---

¹ На самом деле «Демократические дали» (Democratic Vistas) были опубликованы в 1871 г. (прим. редак.)

расширенными, привитыми к более новым, более крепким, исключительно местным основам» (Whitman, p. 951)¹. Логическим продолжением такого прочтения было бы поместить себя в пространство фронта и изучить способы, которыми империя отражается и преломляется в истории и политике. Обращать внимание на локализованное производство истории и памяти – это не просто осуществлять пассивно научный поиск “институтов” в архивах. Это означает пытаться зафиксировать нарративы, которые империя создает о себе. Это деконтекстуализировать единственный контекст, который представляется уместным – имперский. Это изменение в перспективе является не просто корректирующим, но основополагающим, поскольку показывает, что обозначаемый “фронт” имеет свой собственный центр.

Ко времени аль-Мутасима (813-33)², Аббасиды направили в районы аль-Хинд вал Синда длинный список губернаторов. Период между смертью аль-Мутасима и убийством аль-Мутаваккиля (833-61)³ был одним из довольно стабильных в Багдаде. Большое число толкователей хадисов, грамматиков, богословов добрались до портовых городов Гуджарата и Синда, а затем и до Лахора. Точно так же процветало движение товаров из Аль-Хинда через Персидский залив в Багдад и Каир. Керамика и монеты, найденные в Самарре, Фустате, Дайбуле⁴ и Мансуре, показывают, что межрегиональная торговля процветала во время этого периода. Одним из признаков стабильности этой торговли было появление многочисленных мощных региональных центров, которые процветали в IX и X веках – Махания в Гуджарате, Хабари в Синде, и Саффарида и Саманида от Газны до Мултана. Газнавиды (962-1186)⁵ являются, пожалуй, самыми известными из-за расширения границ своей империи по всему аль-Хинд валь Синд, соединившими вместе все города от Газны до Лахора и до нижней части долины Инда.

Создание Делийского султаната из фрагментов империи Гуридов вновь создало новое политическое пространство в более широком регионе, охватывающем фронт. В XIV, XV, XVI и XVII вв. в Синде, Белуджистане и на юге Афганистана были созданы государства с мощной политической и социальной базой – Сумра и Самма (располагавшиеся в Макране), Арган (в Кандагаре) и Тархан. Вокруг

---

¹ Там же.

² Все даты взяты с оригинальной статьи автора Manan A. (2011). Adam’s Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic and Political Weekly*, 46 (13), pp. 60-65. В данном случае годы правления аль-Мутасима определены нами как 833-842 (прим. редактора).

³ Годы правления аль-Мутаваккиля определены нами как 847-861(прим. редак.).

⁴ Дебаль (прим. редактора).

⁵ Годы правления династии Газнавидов определены нами как 977-1163 (прим. редак.).

них были империи пороха – Узбеки (1500-1785)¹, Моголы (1526-1858) и Сефевиды (1501-1722), которые часто настаивали на том, что это был фронт – встреча границ, зона конфликтов и неконтролируемого хаоса. Отсюда и авантюра Бабура в 1520 году, Акбара в 1592 году, Надир-шаха в 1739 году, Ахмада-шаха Дуррани в 1753 году и, возможно, что наиболее актуально, Ост-Индской компании в 1843 году.

Вышеприведенная вереница политических династий и концернов оставила свои следы в истории – в выстраивании среды, распространении артефактов, в воспоминаниях. Все они дают совершенно иную концепцию пространства, границ и принадлежности, чем вид из столиц: Багдада, Дели, Агры или Лондона.

Рассмотрим персидский текст начала XIII века, написанный в Тэтте (Синд) и широко известный как Чачнама. Созданный для придворной аудитории, трактат описывает Синд VII века, чтобы дать высшим советникам правителя общее представление о государстве, существовавшем здесь до прихода ислама. Придворные писцы и историки пишут, что город Арор, являвшийся столицей Хинда и Синда, был большим городом на реке Сехван (которую мы называем Мехран²), с многочисленными прекрасными дворцами, живописными пастбищами, каналами, фонтанами, садами и цветниками. И в этом оживленном городе был индийский раджа по имени Раи Сехрас аб Сехаси, который владел неизмеримыми сокровищами и богатствами. Во всем мире знали о его справедливости, а о его щедрости ходили легенды. На Востоке его царство простиралось до Кашмира; на Западе до Мекрана, на Юге до Дайбула³ и морского побережья, а на Севере граничило с народом Кикан. Для каждой приграничной территории он назначил четырех губернаторов – одного в Брахманабад⁴, другого – в Систан, еще одного в Искандари и еще одного в Мултан. Сам он находился в столице, поддерживая губернаторов войсками и оружием. Он давал им четкие указания по защите границ, чтобы никто не мог прорваться извне (Baloch, p. 18).

---

¹ Речь идет про Бухарское ханство. Узбекское ханство существовало много раньше – 1428-1468 гг. (прим. редак.)

² Рекой Мехран жители Синда называли нижнюю часть Инда. (прим. редак.)

³ Дайбул или Дебал – древний город-порт, расположенный недалеко от полуострова Манора (прим. редак.)

⁴ Стратегически важная территория на юге современного Пакистана. После захвата этой территории мусульмане построили здесь в середине VIII в. крепость – Мансура. (прим. редак.)

Текст далее описывает правление царя-брамина Чача, который покорил это царство и продолжал посещать границы своего нового государства¹.

«В Кашмире он посадил два дерева – один дуб и один бук, и ждал, пока они вырастут, а их ветви переплетутся друг с другом. Он заявил, что это граница между раджой Кашмира и нами. Никто не пересечет ее без разрешения. В Макране он посадил бушель финиковых деревьев и начертал на стволе эмблему своего двора, обозначающую предел его власти. Он возвел башню, с которой должны были звучать на рассвете и на закате пять труб» (Baloch, p. 39).

Это уже реализованная картина царствования заметно отличалась, конечно, от традиций Чакравартина, Султана Камиля или Бадшах-Алама, или других традиций, уготованных для царей, завоевателей и правителей, чьими владениями всегда был весь мир. Его тщательное разграничение рельефа также в значительной степени игнорируется учеными, поскольку оно не вписывается ни в модель центр-периферия, ни во фронтирную модель.

Учитывая тот факт, что этот персидский текст был создан на фронтире, мы можем упомянуть еще несколько таких локализованных текстов, касающихся не имперских столиц, а их собственного региона. Это трактаты Тарих-и-Табакат-и-Мубаракшахи, написанный в начале XVI века и являющийся нашим главным источником по Самма², и Тарих-и-Тахири, написанный в середине XVI века, которые были созданы в городе Татте. И в том, и в другом трактате империя Моголов, деяния Хумаюна и Акбара, являются лишь фоном, призванным придать региональным проблемам первостепенное значение, поставить в центр рассказы о взлетах и победах, описания фортов, городов и портов (особенно Таты, Мултана, Лахора и Кандагара), пересказать фольклорные истории и биографические заметки о выдающихся поэтах и суфиях. В отличие от материалов, составленных в столице, эти тексты были ориентированы не на экзотику или волнения, а на жизнь окружающих их сообществ. Тарих-и Масуми и Бегларнама XVII в., Тухфат ул-Кирам XVIII в. и Лубб-э Тарих-и Синд (XIX в.) стали одними из ключевых текстов, написанных на фронтире Синда.

¹ Чач (631-711 гг.) был брамином и занимал должность премьер-министра при дворе Рай Сахираса II правителя Синда. После смерти последнего он женился на вдове своего покойного господина и узурпировал власть в государстве. Ему не только удалось удержаться на троне, но и приумножить территорию своего государства (прим. редак.)

² Династия Самма – могущественная династия раджпутов, принявших ислам. Правители 1351–1524 гг. в Синде. Столицей их государства был город Татта, расположенный в нижнем течении Инда. (прим. редак.)

Наиболее важным приоритетом, которым обеспечивают нас эти фронтирные тексты, является информация о местных обычаях, местной культуре и биографиях знатных людей. Напрашивается банальный вывод, что имперский взгляд на фронтир всегда был направлен на обобщение частного, на вывод закономерностей, на предсказание поведения. Сила этих конкретных текстов заключается в смещении описательного фокуса с диагностического или программного на живое и социальное. Это восприятие пространства полностью отсутствует в зеркале Адама.

Возьмите Тухфат ул-Кирам (Дары Щедрых) Мир Али Шер Кани (1727-1788), историю, вдохновенную подвигами духовных и мистических лидеров Синда и основанную на народных преданиях и легендах о различных городах, центрах и кладбищах. Кани является автором более 42 работ, в том числе многочисленных сборников стихов (он в совершенстве владел поэтическими формами маснави и касыда)¹; словаря персидских поэтов провинции Синд – Мукаллат-э Шура (1760); истории от Аббасидов до Кальхоры² – Тарикх-и Аббаси (1761); и поистине уникального труда по истории культуры Синда, включающего все: от моды до кулинарии, умений и способов релаксации – Нисаб уль-Булгха (1783).

Тухфат уль-Кирам (1761) состоит из трех томов. Первый посвящен истории пророков, вплоть до ранних халифов. Второй состоит из семи разделов, каждый из которых содержит истории городов Синда, Белуджистана и Афганистана, а также биографиям их духовной и правящей элиты. Третий том посвящен истории региона и заканчивается династией Кальхора. Тухфат уль-Кирам уделяет внимание преимущественно культурным и духовным аспектам, переплетая в единое повествование романтические истории, кулинарные практики, суфийские жития и обсуждение магических свойств предметов быта. В целом, Кани использует историю региона, институтов, домашних хозяйств, чтобы проиллюстрировать «превосходство» определенных практик и продвигать региональную точку зрения, которая, как он сетует, отсутствует в работах по истории, составленных при дворах.

---

¹ Имя Кани было его поэтическим псевдонимом. Мир Али Шер Кауне Таттви начал слагать стихи еще в детстве (прим. редак.)

² Кальхора или династия Кальхора правила в Синде с 1701 по 1783. Основной удар могуществу династии был нанесен войсками Надиршаха, но окончательно они утратили свою власть в результате борьбы с племенем тальпур в битве при Халани (1782). Это было грандиозное сражение с применением артиллерии, причем сражение шло как на суше, так и на воде. В результате могущество кальхорцев было свергнуто, а тальпурцы смогли основать свою династию, которая просуществовала вплоть до 1843 г. (прим. редак.)

Эти истории, эти гробницы, эти политические философии, политические теологии, руководства по управлению и генеалогии правления являются недостающими звеньями в историческом повествовании Клинтон («мой полет над этой местностью, мое осознание истории восходит к Александру Великому и, конечно же, к имперскому опыту британских военных»). Моя попытка восполнить этот пробел не является стремлением добиться библиографической или энциклопедической законченности. Это попытка уменьшить телеологическое расстояние (более 2100 лет, которые отделяют Александра от имперской Британии в этой «местности»), чтобы придать значимость контекстам, более важным для этого конкретного имперского приключения.

НА ОКРАИНАХ АМЕРИКАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Дискуссия об «имперскости» США после 1989 года набрала обороты в период 2001-03 гг, когда их военно-политическое возмездие за нападения 11 сентября 2001 года создало совершенно новый геополитический мир. Взяв за образец Британскую империю конца 19 в., историк Найл Фергюсон заявил в октябре 2001 года, что США должны были стать колониальной имперской державой или рискнуть потерять мир в хаосе (Ferguson, 2001). Это решение прошло незамеченным само по себе, так как, несмотря на администраторов, таких, как Залмай Халилзаде, Джей Гарнер и Л. Пол Бремер, США решили ограничить колониальный угол своих имперских процессов. Отсюда раздражительное заявление тогдашнего министра обороны Дональда Рамсфелда в апреле 2003 года: «мы не стремимся к империи ... мы не империалисты. Мы никогда ими не были» (Boot, 2003). Принятые за чистую монету, такие протесты воспринимаются как доказательство того, что США являются «антиколониальной» империей, которая никогда не была заинтересована во владении колониями (следовательно, никогда не развивала административное или служебное ядро колониальной бюрократии)¹. Но это не отменяет имперского видения в глобальном масштабе, которое связывало сменявшие друг друга режимы США и общественность с самого начала. Вот, например, ода, написанная Фрэнсисом Хопкинсоном, напечатанная на брошюрах и распространенная на параде в честь Дня Независимости 4 июля 1788 года в Филадельфии: «О, ради музы огня! Подняться в Небеса / и Провозгласить внимающему миру / Узрите!

---

¹ Это первый пункт в замечательном аналитическом эссе Энгсен Хо, посвященном имперскости США. Я весьма признателен критическим мыслям Хо по данному вопросу. См.: (Engseng Ho, 2004)

Узрите! Империя восходит!” (Hopkinson, p. 1018). Ода была озаглавлена “Триумф Колумбии”, используя теперь почти забытое название для США, которые распространили свой триумф за пределы морей.

Это случилось! Случилось! Сыны мои! Вскричала она.

В войне вы доблестны, в Совете умны.

Мудрость и отвага защитят мои права,

И распространятся они на мои обширные владения.

Наука расцветет, гений расправит крылья,

В родных напевах слышатся музы Колумбии;

Богатство венчает искусство, а Правосудие выравнивает весы,

Коммерция свой тяжеловесный якорь поднимает

... Широко расправляет паруса.

И в далеких морях реет ее флаг (Hopkinson, p. 1018).

Это видение глобальной имперской достижимости было четко сформулировано еще раньше. Далекий мир был всегда виден, всегда достижим – Джеймса Морз¹ в пятом переиздании своей «Американской всеобщей географии» (1797) поместил пространную главу о “Синдском Хиндустане”, описывающую такие города, как “Лахор, Кашмир, Кабул, Гизни или Газна², Кандагар, Мултан, и Татта”. Это понимание глобальной географии и влияния глобального капитала наиболее четко прослеживается в законе «О гуановых островах» 1856 года. Стимулированный тем же настроением, договор 1821 года между Ост-Индской компанией и Тальпурами Синда прямо запрещал “другим европейцам и американцам селиться в Синде”³. Этот договор 1821 года был заменен договором 1830 года и окончательно аннулирован, когда компания аннексировала Синд в 1843 году, после катастрофической Первой англо-афганской войны 1841 года. Аннексия, как убедительно доказывал Джон Вонг, во многом была вызвана желанием компании и далее контролировать производство и транспортировку опиума с бенгальских плантаций в Китай. Согласно описанию Вонга, военные и торговые круги США были глубоко вовлечены в глобальную опиумную сеть в качестве поставщиков и перевозчиков в Индийском океане (Wong, 1998).

---

¹ Jedidiah Morse (1761 – 1826) – американский проповедник и географ. Его по праву называют «отцом американской географии». Дж. Морз был также отцом художника и изобретателя Самуэля Морзе, известному своими изобретениями аппарата Морзе и азбуки Морзе. (прим. редак.)

² Речь идет про город Газни, расположенный недалеко от Кабула. Это была столица государства Газневидов (прим. редак.)

³ Неясно, направлен ли он был против торговцев и купцов в регионе или против миссионерской деятельности. Американские церкви вкладывали большие деньги в миссионерскую деятельность в Пенджабе и Синде в этот период периода. См., например, (The First Annual Report of the Board of Foreign Missions 1838).

Поразительно то, что ни региональные истории, ни собственное имперское прошлое США не видны в нынешних нарративах, и ни одно из них не связано с постколониальными научными трудами о *Rex Americana*. Преобладающим сравнительным проектом для американской империи остается британский пример в Западной и Южной Азии. Критики американских стратегий в Афганистане или Пакистане редко сами осознают историческое прошлое региона и редко погружаются в местные нарративы. Попытки, оттолкнувшись от частных случаев, перейти к обобщениям, в результате производят стопки ученых книг о «племенах» или «ислализме», которые, в лучшем случае, перерабатывают британские колониальные стратегии контроля и господства. Зеркало Адама, как метафора, отражает один из тропов эпистемологического взаимодействия с фронтиром – прямой, нефильТРованный репортаж, конечный информатор, который не имеет предвзятости и которому нет необходимости отсеивать личность от знания.

В более категоричных терминах, с точки зрения империи, фронтир остается неподвижным, застывшим пространством – будь то зеркало Адама Омейядов или видоискатель американского беспилотника. Зеркало Адама показывает свою ограниченность не в самом объекте – а в *raison d'être* – намерениях смотрящего.

Список литературы

- al-Balādhurī . (1988). *Futūh al-Buldān*. Beirut: Maktaba al-Hilāl.
- Baloch, N. (1983). *Fathnamah-i Sind: Being the Original Record of the Arab Conquest of Sind*. Islamabad: Institute of Islamic History, Culture and Civilisation.
- Blankinship, K. Y. (1994). *The End of the Jihād State: The Reign of Hishām Ibn ‘Abd Al-Malik and the Collapse of the Umayyads*. Albany: State University of New York Press.
- Boot, M. (2003, April 5). American Imperialism? No Need to Run Away from Label. *USA Today*.
- Bosworth, C. E. (1973). Ubaidullah b AbīBakra and the ‘Army of Destruction’ in Zabulistan. *Der Islam*, 268-83.
- Engseng Ho. (2004). Empire through Diasporic Eyes: A View from the Other Boat. *Comparative Studies in Society and History*, 46(2), 210-46.
- Ferguson, N. (2001, October 31). Welcome the New Imperialism: The US Must Make the Transition from Informal to Formal Empire. *The Guardian*.

- Ferrier, J. P., & Seymour, H. D. (1856). *Caravan Journey and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan*. London: John Murray.
- Ghāda al Hijjāwīal-Qaddūmī. (1998). *Book of Gifts and Rarities*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hopkinson, F. (1788). Columbia's Triumph. *The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle*.
- Lankewish, V. A. (1998). Assault from Behind: Sodomy, Foreign Invasion, and Masculine Identity in the Roman d'Enéas. In S. Tomasch, & S. Giles (Eds.), *Text and Territoriality: Geographical Imagination in the European Middle Ages* (pp. 207-244). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton*. (n.d.). Retrieved November 14, 2010, from The American Presidency Project: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85454>
- (1838). *The First Annual Report of the Board of Foreign Missions of the Presbyterian Church, in the United States*. New York.
- Whitman, W. (1997). *Poetry and Prose*. (J. Kaplan, Ed.) London: Fitzroy Dearborn.
- Wong, J. Y. (1998). *Deadly Dreams: Opium, Imperialism and the 'Arrow' War (1856-60) in China*. Cambridge: Cambridge University Press.

ADAM'S MIRROR: THE FRONTIER IN THE IMPERIAL IMAGINATION¹

Manan, A. A.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>

Manan Ahmed Asif, Associate Professor of Department of History, Columbia University. 1180 Amsterdam Avenue, MC 2527 New York, NY 10027

E-mail: ma3179@columbia.edu

Abstract

To the centre of any empire, the frontier is a site of anxiety, of potential harm, of barbarians who could be marching towards the gate. The imperial imaginations of the medieval Arab dynasties, the colonial British, and now the United States have been

---

¹ The editors of the JFS are grateful to Dr. Ahmed Asif Manan and the «Economic & Political Weekly» Editorial Board for granting the permission to translate and publish the article Manan A. (2011). Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic and Political Weekly*, 46 (13), pp. 60-65.

dominated by this anxiety. We have to plant our historiographical feet in the frontier space of present-day Afghanistan, Pakistan and north India to see the concerns which emerge from within a regional imagination, in a regionally specific conversation and in regional stories. Situating ourselves in the frontier reveals varied perspectives that are invisible to the imperial eye. To pay attention to the localised production of history and memory is to decontextualise the only context that appears relevant – the imperial one. This shift in perspective reveals that the oft-designated “frontier” has a centrality all of its own.

Keywords

Frontier, Sindh, Adam’s Mirror, Imperial visions, Colonial narratives.

References

- al-Balādhurī . (1988). *Futūh al-Buldān*. Beirut: Maktaba al-Hilāl.
- Baloch, N. (1983). *Fathnamah-i Sind: Being the Original Record of the Arab Conquest of Sind*. Islamabad: Institute of Islamic History, Culture and Civilisation.
- Blankinship, K. Y. (1994). *The End of the Jihād State: The Reign of Hishām Ibn ‘Abd Al-Malik and the Collapse of the Umayyads*. Albany: State University of New York Press.
- Boot, M. (2003, April 5). American Imperialism? No Need to Run Away from Label. *USA Today*.
- Bosworth, C. E. (1973). Ubaidullah b AbīBakra and the ‘Army of Destruction’ in Zabulistan. *Der Islam*, 268-83.
- Engseng Ho. (2004). Empire through Diasporic Eyes: A View from the Other Boat. *Comparative Studies in Society and History*, 46(2), 210-46.
- Ferguson, N. (2001, October 31). Welcome the New Imperialism: The US Must Make the Transition from Informal to Formal Empire. *The Guardian*.
- Ferrier, J. P., & Seymour, H. D. (1856). *Caravan Journey and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan*. London: John Murray.
- Ghāda al Hijjāwīal-Qaddūmī. (1998). *Book of Gifts and Rarities*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hopkinson, F. (1788). Columbia’s Triumph. *The Gentleman’s Magazine, and Historical Chronicle*.
- Lankewish, V. A. (1998). Assault from Behind: Sodomy, Foreign Invasion, and Masculine Identity in the Roman d’Enéas. In S. Tomasch, & S. Giles (Eds.), *Text and Territoriality: Geographical Imagination in the European Middle Ages* (pp. 207-244). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

- Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton.* (n.d.). Retrieved November 14, 2010, from The American Presidency Project:
<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85454>
- (1838). *The First Annual Report of the Board of Foreign Missions of the Presbyterian Church, in the United States.* New York.
- Whitman, W. (1997). *Poetry and Prose.* (J. Kaplan, Ed.) London: Fitzroy Dearborn.
- Wong, J. Y. (1998). *Deadly Dreams: Opium, Imperialism and the 'Arrow' War (1856-60) in China.* Cambridge: Cambridge University Press.